

Омская правда

Наш земляк Леонид Мартынов

К 75-летию со дня рождения

Город, город!
Ты огромен
И как буд-о бы бескраен.
И всегда твои мы дети,
Где бы ни были на свете.

Л. МАРТЫНОВ.

О связанной с Омском судьбе поэта Леонида Мартынова писать и легко, и трудно. Легко потому, что он сам написал большую книгу воспоминаний на эту тему — «Воздушные фрегаты», где подробно, с высоты своего семидесятилетнего опыта, рассказал о днях своего детства и юности, о почти четырех десятилетиях жизни, связанных с нашим городом. Но есть тут и опасность, поскольку мемуары Леонида Мартынова — книга художественная и, подобно каждому художественному произведению, предполагает право автора на домысел и вымысел. К счастью, она далеко не единственный документ, подтверждающий неординарность судьбы нашего земляка, его связь с родным городом, с именами людей, оставшихся в его истории заметные и добрые следы.

Леонид Мартынов — омич со дня рождения — 9 (22) мая 1905 года. Он гордится, что был крещен «под сенью знамени Ермака Тимофеевича» в Казанском соборе. Творчество Леонида Мартынова нелегко отделить от города его детства и молодости: омские годы, заполненные бесчисленными выходами в разные — близкие и далекие — районы страны, дали поэту запас впечатлений и опыта, которые сопровождают его всю жизнь. Годы становления Леонида Мартынова, как личности и писателя, совпали с одним из самых сложных моментов в истории Омска. Власть Советов здесь вскоре после победы Октября сменилась полуротами колчаковщины. Омск был объявлен «приютом благородных муз», где искусство и литература могут найти себе спокойное убежище. Находились литераторы, которые

всерьез принимали колчаковские заигрывания и сотрудничали с пропагандой черносотенного адмирала.

И удивительно, как в этих условиях четырнадцатилетний паренек сумел определить свое, четкое отношение к событиям.

Нет никакого основания усомниться в достоверности воспоминаний поэта. «Милый вундеркинд» — так его звали в те годы — отличался интуицией, позволяющей в общем верно ориентироваться в сложных переплетениях социальных и политических сил колчаковского Омска.

Впрочем, помогала не только интуиция: семья Мартынова активно сочувствовала революции. В стихотворении «Дом Вальса» поэт вспоминает о первых месяцах революции, о большевике — комиссаре, бежавшем от расправы после Куломзинского восстания. «Колчак... преследовал, а мы укрывали». «Мы» — это не только семья в целом, но и сам поэт, юноша:

«Я путь и открывал,
и прикрывал,
Была лазейка хорошо
знакома...»

И в поэзии, стихия которой рано захватила Мартынова, его кумиром стал Вл. Маяковский, чье имя и творчество ассоциировались с революцией. И еще — с футуризмом, юношеское увлечение которым было чем-то большим, чем неизбежная в детстве корь. Оно оставило свой след в художественном мире писателя, в его поэтике.

Уже к 1922 году Леонид Мартынов становится заметной фигурой литературной жизни Омска. О нем говорят серьезно, без скидок на возраст. Георгий Вяткин в отчете о деятельности «Лито-артели» выделяет из трех десятков ее членов имя семнадцатилетнего Леонида Мартынова: «Наиболее интересным из левой молодежи является Леонид Мартынов, поэт еще очень юный и шаткий, находящийся под сильным влиянием

Маяковского и имажинистов, но несомненно даровитый, с проблесками определенной самостоятельности».

Мартынов избирается членом совета литобъединения наряду с Г. Вяткиным и А. Сорокиным. Он выступает чуть ли не на каждом собрании, готовит доклады, читает стихи.

К тому времени относится серьезное увлечение молодого поэта журналистикой, его активное сотрудничество в омской и сибирской печати, в том числе и в только что возникших «Сибирских огнях». В конце 20-х годов журнал опубликовал его очерки «Южные соседи», «Горы, руды, люди», «Турксибстрой», потребовавшие не только журналистской активности, но и высокого профессионализма. Эти качества Леонида Мартынова были отмечены Вивияном Итиничем — одним из редакторов «Сибирских огней»: «Он кипит в жизни. Кто еще из молодых поэтов ведет газетные кампании? Леонид Мартынов в омском «Рабочем пути» дерется против избиения киргизов, против калыма, против позорного средневековья, живущего в аулах на другом берегу Иртыша...»

Журналистика и поэзия шли в его жизни рядом, дополняя и обогащая друг друга. Юноша импонировал своей независимостью и задором. В «Воздушных фрегатах» Мартынов рассказывает: «Мне шел восемнадцатый год. Я был горд и бескомпромиссен и писал, как мне нравилось: хотите — печатайте, хотите — нет!». Что так оно и было, подтверждает хотя бы первое опубликованное им в «Рабочем пути» стихотворение «Цирк», типично мартовское, со сложными звуковыми переплетениями, необычной — диалогической — композицией, не поддающимся четкой рациональной расшивке сюжетом.

В омские годы Мартыновым написаны лирические стихотворения и поэмы, которые прочно

вошли в классический фонд советской поэзии. Достаточно назвать хотя бы «Лукоморье», «Первый снег», «След», «Вода»... И цикл блестящих исторических поэм: «Правдивая история об Увенькае», «Тобольский летописец», «Искатели рая», «Рассказ о русском инженерере» и других.

Поэтом овладело то, что сам он назвал «чувством истории». Казалось бы, такой «субъективный» при написании своих поэм, Мартынов накапливал и отбирал «объективные» знания. Не случайно эта работа сочеталась у него с сотрудничеством в журнале «Омская область», где он вел подборки «По страницам старых книг и журналов» и «Из прошлого нашей области», содержащих массу краеведческого материала. Из огромной работы над поэмами отпочковались прозаические «Крепость на Оми (1940)» и «Повесть о Тобольском воеводстве», вышедшая в Омске сразу же после войны.

Сборник «Поэмы», вышедший в Москве в 1940 году, произвел огромное впечатление. Имя Леонида Мартынова встало в ряд с самыми известными именами советской поэзии. Отзывы печати были единодушно одобрительными. Отмечалось личностное начало в поэмах, оригинальное, свободное от расхожих взглядов, видение истории.

В Омске Леонид Мартынов начался и как переводчик.

Великую Отечественную войну поэт встретил во всеоружии, как ею «мобилизованный и призванный». Он был внутренне готов к нагрянувшим событиям войны. Еще в 1938 году он написал балладу «Нюрнбергский портной», в которой как бы предвидел изощренные уродства нацистской психики и ее нацеленность на войну, видел ее жаждущих крови зачинщиков.

В первые же годы войны один за другим появляются его публицистические стихи в «Ом-

ской правде». Можно спорить о их художественной значимости, но они выражали подлинное чувство гнева и ненависти к врагу, веру в победу. Мартынов превосходно понимал значение сибирского тыла, ту роль, которую играла «страна — холодильник» в разрывушейся на весь мир битве.

Впечатляют уже количественные показатели работы Леонида Мартынова тех лет. В труднейших условиях военного времени он издает пять стихотворных сборников, печатается в местной периодике, сотрудничает в «Окнах сатиры», пишет «Повесть о Тобольском воеводстве».

Московский период жизни писателя, длящийся вот уже более тридцати лет, оказался особенно плодотворным. Мартынов достиг большой, не будет ошибкой сказать, — мировой литературной известности. Его голос стал слышен всюду, в нем, кажется, сильнее, чем когда-либо, зазвучал мотив связи со своим временем и ответственности за все сущее: «Я уяснил, что значит быть свободным... Это значит быть за все в ответе!» Оказалось, что он, такой «непохожий», хорошо вписался в свое время, став одним из выразителей его дум и устремлений.

Леонид Мартынов — лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького и Государственной премии СССР — таковы свидетельства признания его заслуг перед литературой.

Сегодня нашему земляку исполнилось 75 лет. Три четверти столетия. И почти все они, учитывая ранний восход его дарования, были в литературе, в поэзии. Родной город был к нему не всегда добр и справедлив. Но он, кажется, не держит зла на свою сибирскую родину, помнящая ее добрым словом в мемуарных книгах и в стихах.

Еф. БЕЛЕНЬКИЙ.